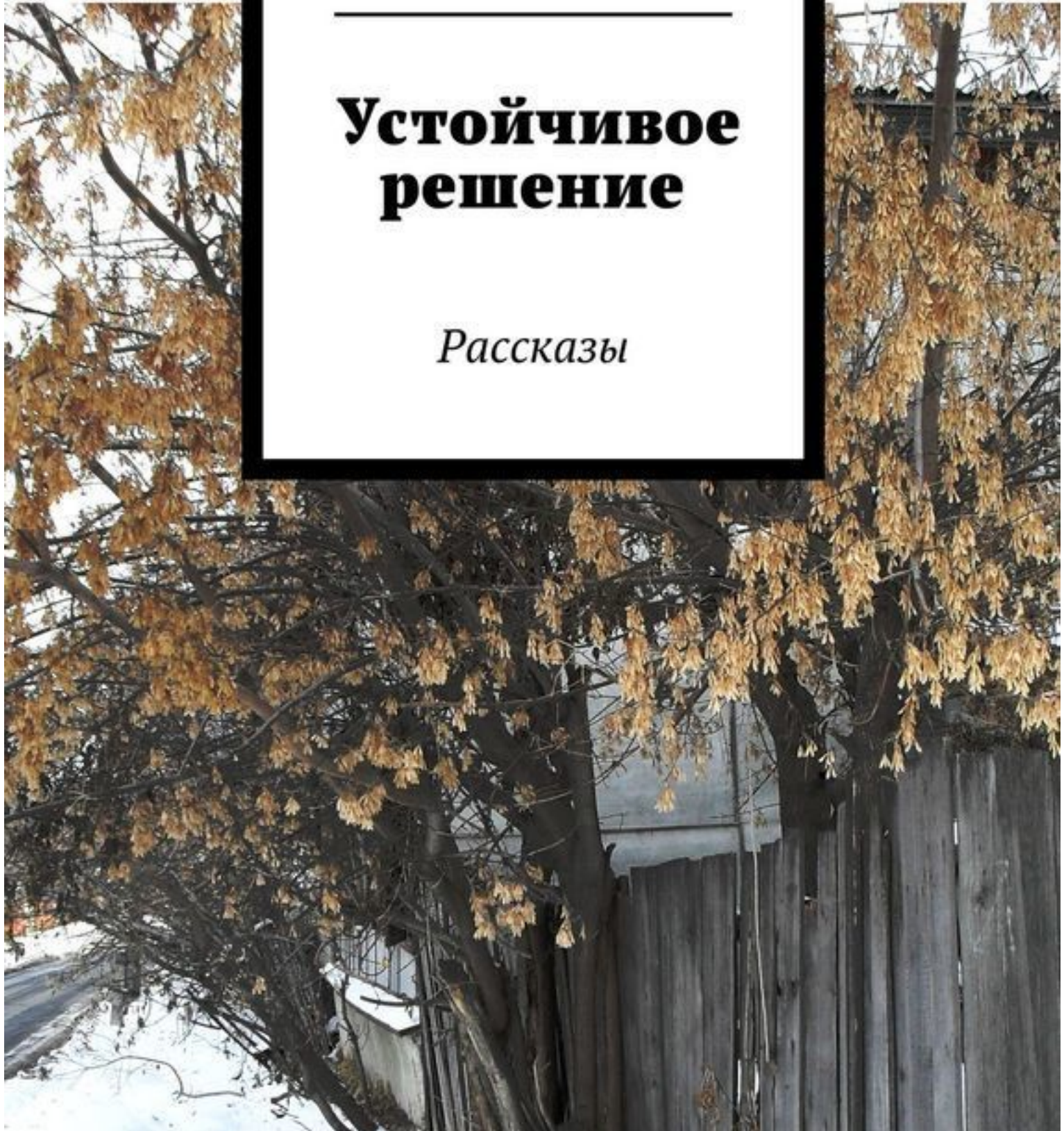

Максим
Шинкарёв

Устойчивое решение

Рассказы

Максим Шинкарёв
Устойчивое решение

«Издательские решения»

Шинкарёв М. Б.

Устойчивое решение / М. Б. Шинкарёв — «Издательские решения»,

Выбор не зависит от стиля и жанра. Выбор одинаково требователен к любому, кем бы он ни был. Выбор — основа человека. И главное решение, которое он должен принять. Какой выбор ты сделаешь?

Содержание

Disinformation	6
Кюрасо-блюз	23
Бездна	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Устойчивое решение
Рассказы
Максим Борисович Шинкарёв

© Максим Борисович Шинкарёв, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Disinformation

По мотивам «Disinformation» группы Satin

Кипящее пламя – волны, вскипающие в такт дыханию, языки, мечущиеся в такт ударам в висках.

Пылающие пятна на лице, онемевшие, бесчувственные.

Отереть лоб... Чужие, грубые, бессильные пальцы, как вязкие корни подсохшей, подвявшей моркови...

Сосущая, высасывающая, рвущая боль между висками...

Ледяной, режущий воздух в легких, полных ледяного стекла...

Наждак в горле, пылающая пытка...

Кашель. Хватающее жидкий азот горло.

Холод лижет виски, словно жадный, приبلудный пес. Трупоед...

Глубоко, глубоко в вязкую пылающую бездну...

Вниз...

...crawling
before the open door...

– Рабочий день закончен, Катя. Домой – ноготь постукивает по экрану смартфона – всё, уже пора. Давайте-давайте, Катенька, заканчивайте.

Рыжие волосы медной и пламенной волной.

– Мне немного осталось, Олег. Сейчас добыю текст и завтра буду рисовать графики.

Усмешка на губах – почти против воли.

– Ну, труду слава, а отдыху своё. Не перенапрягайтесь. Ещё полчаса и домой. Слышите, Екатерина? Я проверю завтра сводку с замков.

– Хорошо, – огненная волна, – я успею.

– Успехов.

Магнитная карточка лёгким жестом касается замка.

Зелёный сигнал.

Палец лёгким ударом расцветчивает оранжевым кольцо вокруг кнопки лифта.

Усмешка – почти против воли.

Почти.

Огненная девочка.

Мелодичный звон. Раскрывающиеся двери.

...tomorrow always comes too slow...

Бумажные листы – белый поток, белая пустыня.

Обжигающие вспышки ксероксов, шелестящий шум исторгающих белые курганы принтеров. Бумажный шквал, бумажная выюга.

Графики, тексты, таблицы, цепочки слов. Цифры, знаки, линии, тени. Черные и серые пятна, пыль, грязь и брызги в белых полях.

Белые блузки, галстуки, пиджаки, сорочки, строгие туфли и шпильки.

Открывающиеся рты, пронзающие стальной висок доски указки, жар и жужжание проекторов.

Накрашенные губы, иссиня-чёрные подбородки.

Лживые серые глаза, пустые голубые глаза, животно-равнодушные карие, оценивающие мёртвые чёрные, развратные кукольно-синие.

Когда, когда, когда он упадёт?

Когда, когда, когда всё закончится?

Стрелка часов движется к шести.

Секунды с равнодушным щёлканьем отгрызают по куску дня, по куску мозга, по куску жизни.

Тупое, равнодушное ожидание.

Когда, когда, когда...

Когда это закончится?

Смешные.

Для вас это не закончится никогда.

Снег хрустит.

...so what your life depends on
you inspect
love with no compassion...
job with no respect

Господи, как больно... Проклятая нога.

Как же больно...

Нудный, потусторонний шелест. Пальцы... не чувствую...

Как больно...

О Господи!..

Как больно...

...the world you belong to
the world you escape from
so lonely deep inside...

...disinformation invades your mind...

– ... таким образом, мы видим, что волгоградское подразделение в этом полугодии наиболее эффективно, за ним следует Петербург, за которым, в свою очередь,...

– Так, я всё понял, Екатерина, всё понятно! Отличная работа! У кого-нибудь есть вопросы? Нет? Отлично. Так, все свободны. Обеденный перерыв. Катерина, задержитесь на минутку.

Стук каблучков. Тихий шелест пиджаков. Взвихренная тяжёлая волна запахов духов и одеколona отголоском закрывающейся двери.

Пальцы толкают смартфон по голубоватой столешнице.

– Присядьте, Катя, – пальцы указывают на кресло напротив.

– Что-то не так?

Короткая дробь по стеклу стола.

– Отчёт очень хороший, Катя. Прекрасный. Аналитика прекрасная. Но.

Медные волны вокруг ожидающего лица.

– Но.

Пальцы мягко ударяют по столу. Чуть скрипит отталкиваемое кресло.

– Весь отчёт был бы просто образцовым, если бы не одна вещь.

– Какая?

– Зачем мы тут сидим, Катя?

Взгляд проходит сквозь стеклянную стену офиса, пробегает по опенспейсу, по мерцающим заставками мониторам – все ушли обедать. В стекле мерцают голубым перевёрнутые цифры настольных часов.

– Не совсем понимаю вопроса. Моя должность – аналитик.

Слабая гримаса на лице. Лёгкий вздох.

– Неважно, какая у вас должность, Катя. Подойдите сюда. Встаньте рядом.

Лёгкий скрип, шаги по плитке.

– Взгляните, Катя. Что видите?

– Я вижу офис. Но это не тот ответ, который вы от меня ждёте, правда?

Усмешка.

– Верно. Вы читали «S. N. U. F. F.» Пелевина, Катя?

– Нет. Не люблю дешёвого мистицизма.

– Ну-ну, вы слишком суровы к старику. Тем более, что этот роман совсем без мистики.

Она там ни к чему.

Толчок фалангой пальцев в стеклянную стену.

– Он говорит там о мониторах, боге Маниту и деньгах. В этом мире все эти слова звучат совершенно одинаково и значат одно и то же. Игра слов, пустячок, но мудрый пустячок, Катя.

Ещё лёгкий стук в стекло стены.

– У нас тут нет бога Маниту, а мониторы есть. Вместо бога у нас тут бумага. Видите, на каждом столе, в каждом лотке, в каждой корзине для мусора. А теперь дополните мою мысль, Катя. Что мы видим?

Огненное отражение в стекле, медный призрак.

– Если продолжить игру, то мы видим тут деньги.

– Именно! Именно, Катенька! Именно деньги. Здесь всё – деньги. Они светятся в экранах, их печатают, черкают, комкают, рвут и швыряют под ноги, промахнувшись мимо корзины.

Короткий энергичный вздох.

– Тут всё – деньги. Деньги компании. А значит, и наши. В меру, конечно, но наши. Наши зарплаты, премии, наши рестораны, квартиры, машины, курорты, отдых и развлечения. Вы чувствуете мою мысль?

– Не совсем.

– Мне кажется, вы лукавите, Катенька. Ну что ж, я вам подыграю.

Щелчок ногтем в стекло.

– Присаживайтесь.

Лёгкий скрип.

На смартфоне – жёлтый квадрат смс.

В сторону.

– Так вот, Катя, если мы хотим денег, а мы их хотим, иначе зачем мы сюда ходим, верно? так вот, если мы их хотим, мы должны их получить. Кто получит больше всего премий, Катенька, если следовать вашему докладу?

Рыжая волна отражается в столешнице.

– Больше всего должны получить Волгоград и Питер. Мы четвёртые.

Страдальческая гримаса.

– Стоп, стоп, Катя! Что за «должны»? Кому должны?

Серые глаза упираются в лицо.

– Что вы хотите сказать?

– О Господи, Катя, не притворяйтесь душой! Уже не надо, честное слово. Всё ведь ясно – мы должны получить максимум. И уж по крайней мере всегда быть в тройке. Не далее её середины. Сейчас закрытие года, Катя, декабрь. А это значит что? Ну-ка?

– Бонус.

Голос безучастный.

– Верно, Катенька, бонус. Всё верно. А теперь – внимание! Главный вопрос.

– Я не буду этого делать.

Пальцы правой руки легко приподымаются и мягко падают на стеклянную столешницу.

– Не понял.

– Я не буду подделывать отчёт.

Голубые цифры на мгновение оторопело застывают. Потом вздрагивают и продолжают ход.

– Вот как. Хорошо, я понял, Екатерина. Вы свободны. Мы с вами задержались, так что даю вам пятнадцать минут к обеду. Прошу.

Медь и пламя в стекле и за стеклом.

Взгляд вправо.

Смска на экране смартфона.

Палец мягко сдвигает «замок» блокировки.

«Лю тебя, мой котик! Чмоки-чмоки:»)»

Усмешка.

«Покупай.»»

Пальцы блокируют смартфон привычным жестом, опускают во внутренний карман пиджака.

Война войной...

Лёгкий звон стеклянной двери. Писк замка.

...you keep moving in the maze to the base...

Вечер.

– Екатерина, – стук пальцем по перегородке между столами.

– Да, Олег.

Подчёркнуто нейтрально.

– Знаете, Екатерина, пойдёмте-ка поужинаем. Я угощаю.

– Я замужем, Олег Борисович.

Усмешка. Поворот кольца на пальце.

– Так и я женат, Катя. Не путайте столик с постелью. Я хочу извиниться перед вами за свою просьбу.

– Если вы хотите прощения, то оно у вас есть.

Покачивание головой.

– Господи, Катерина, не заставляйте меня становиться перед вами на колени. Не так поймут.

– Хорошо. А как следует понимать мне?

– Как ужин с коллегой, который хочет загладить свою вину. Нам ведь ещё работать, и трата на ужин – минимальное вложение по сравнению с результатами, которые вы принесёте. И мне в том числе.

Поднятый палец.

– И перед тем как вы мне откажете снова, предупреждаю – это будет уже невежливо. Идёмте, Екатерина Александровна. Если вас уж так напрягает, можете заплатить за себя сами, хотя это и поразит меня в самое сердце и я искренне надеюсь, что вы этого не допустите. Ну так как?

...it's a dull race...

- Добрый вечер, господа! Что будете пить?
- Добрый вечер, Жозеф. Для начала давайте Кьянти.
- Отлично. Что будете кушать?
- Пасту болоньезе мне и...
- То же.
- ...пасту болоньезе даме.
- Отлично! Сию минуту!

Струнный квартет тихо звучит из-под потолка.

- Как вам, Катя?

Взгляд поверх фужера с минеральной водой.

- Ресторан красивый. Дорогой.

Усмешка.

- Господи, что вы, Катя, что вы, какие деньги! Ресторан хороший. Тихий, вкусный.

Музыка вон пиликает. Уж на что я терпеть не могу классики, а здесь она совершенно переносима. Чудесный стиль.

- Действительно. Место приятное.

- Прошу, господа!

Маленький услужливый смерч. Вино тихо льётся в бокалы.

- Благодарю, Жозеф, всё превосходно.

Смерч с поклоном исчезает.

- Как вам вино?

Тонкие пальцы крутят чуть початый бокал.

- Неплохое.

- Ну как же вы категоричны! Вино превосходное. Здесь с этим строго.

- Это радует.

- Скажите, Катя, откуда вы?

- Вы читали моё резюме, Олег. Неужели вы его забыли?

- Да, у меня хорошая память, Катя, вы правы.

- Тогда вы должны понимать, что я вам не девочка-секретутка.

Взметнувшийся палец.

- Я это прекрасно понимаю, Катя! Как вы могли такое подумать!

- Я аналитик, как вы помните. И я этого не думаю.

- Превосходно!

- Я это знаю.

Рука сгибает крыло салфетки.

- И? Продолжайте.

- И я терпеть не могу, когда меня покупают.

Второе крыло.

- Хорошо. А что вы можете терпеть?

- Честность.

Острые тонкие крылья.

- Вы поборница искренности и чести, не так ли? Несгибаемы и светлы?

– Почему же. Я способна договариваться. Как бы я иначе добилась того, что имею, как вы думаете?

Тонкий нос.

- Тогда делайте ваше предложение, Екатерина Александровна.

- Мой отчёт должен быть таким, как он есть.

Пальцы возвращаются к бокалу.

– И что вы от этого получите?

– Я заявлю о себе.

– И порушите при этом весь конец года всем остальным?

– У всех остальных нет ничего, чтобы получить этот конец года. Ничего, кроме приписок.

Судя по отчётам, головной офис уже пару лет ничем не занимается, кроме подтасовки отчётности и приписывания себе заслуг дочерних подразделений. На каком основании они должны это получить?

Глоток вина.

– Вы жестоки, Екатерина Александровна.

– Это бывает.

– Бывает, конечно. Много чего бывает. Тогда у меня только один вопрос – что может заставить вас передумать?

– Вы готовы что-то предложить?

Пальцы медленно вращают бокал.

– Давайте так, Екатерина. До срока сдачи доклада ещё два дня. Один у нас есть. Давайте завтра поужинаем снова, и я сделаю своё предложение. Дневное перемирие?

– Дневное перемирие. И да, учтите – я замужем и в любовницы не стремлюсь.

Усмешка.

– Спорю, ваш муж – очень сильный человек и с ним сложно конкурировать.

– Вы выиграли бы, если бы мы спорили.

– Ну что ж, хорошо. О, а вот и ужин!

– Прошу прощения, но я тороплюсь. Муж ждёт.

Стук отодвинутого стула.

Маленький смерч кланяется.

– Жаль, что вы не попробовали болоньезе, очень жаль! Приходите к нам ещё!

– Благодарю вас. Быть может, завтра.

– Будем ждать!

Удаляющиеся шаги.

– Как поступить с порцией мадам?

– Верните на кухню, Жозеф. Я поужинаю один.

Звон серебряного колпака.

– Прошу!

Рука поглаживает свёрнутую из накрахмаленной салфетки птицу. Берёт за клюв.

Взмах – и салфетка расправляется с лёгким хлопком.

Заправляется за ворот.

Глоток вина.

Вилка вонзается в пасту.

...networks
channels and mobiles...

Звонок.

Рука откладывает вилку, сдвигает замок.

– Да.

– Здравствуй, Олег.

– Здравствуй, Виктор.

– Ты далеко?

– Ужинаю.

– Тогда зайди, как закончишь.

– Ты ещё на посту?
– Доедай. Есть дело.
Тишина в трубке.

...create illusion
that no one ever dies...

Лёгкий стук костяшек в притолоку.
– Добрый вечер, Оксана! Виктор Константинович не занят? Могу зайти?
Внимательный взгляд хищных голубых глаз. Взгляд сиамской кошки.
– Секундочку, я узнаю. Присядьте, будьте добры.
Тренированная улыбка.
– Да, конечно.
Скрипящая кожа дивана.
– Виктор Константинович, к Вам Олег Борисович. Да, хорошо.
Кивок золотистой чёлки.
– Виктор Константинович ждёт вас.
– Благодарю, милая.
Взгляд упирается в спину. Кошка следит за птицей, ожидая, когда та зазеваётся и станет жертвой.
Холод по плечам. Вот же пакость. Надо было всё-таки идти в художественное.
ТЬфу. Ерунда это всё.
Скрип двери.

...you wanna rest your head now
but still regret...

– Привет, Олег. Присаживайся.
Жест к столику в углу.
– Добрый вечер, Виктор.
– Угу.
Лязгает дверца бара, на столик с лёгким стуком становится коньяк и блюдо с нарезанным лимоном.
Свежим лимоном.
Плохой знак.
– Ты опоздал, Олег.
Мягкий, барский тон.
Очень плохо.
– Не совсем уловил.
Плеск коньяка в стопках. Скрип кресла.
– Не ври мне, Олег. Ты опоздал совсем.
Пальцы не дрожат, вытягивая ломтик лимона с края блюда.
– У тебя опять обострилась любовь к провокациям?
Плохо. Очень плохо.
– Не скатывайся в хамство, дорогой.
Тон становится холоднее.
Коньяк прокатывается водой по языку.
– Прошу прощения, сложный день выдался.
Плеск доливаемого коньяка.

- А что так?
Мягче.
Уже лучше.
– У меня сложности с подчинённой.
– У-у, – неудивлённо приподнятые брови, – бывает.
Коньяк перемешивается в мягко крутящейся стопке.
Потом Виктор подносит стопку к губам.
Выпивает.
Закусывает ломтиком лимона. Замечает:
– А ведь говорят, что закусывать лимоном – варварство.
– Мало ли что говорят. Текилу без соли тоже, говорят, моветон.
Виктор доликает себе.
– А ты пробовал?
– Угу.
Быстрый, но спокойный взгляд.
Холодный взгляд.
Лёгкий блик в линзах очков.
Действительно поздно.
И поздно было ещё до ужина.
Уже тогда, когда она приняла приглашение.
Приняла. Рыжая сучка. Не отвлекаться.
– И как?
– Не оценил.
Кивок.
– Бывает. Хотя раньше с оценками у тебя было всё хорошо.
– Да и сейчас не жалеюсь.
– А зря.
– Это шутка?
Коньяк в стопке – золотисто-жёлтый.
– Нет, Олег, это не шутка.
Рука Виктора протягивается к нижней полке столика.
На столешницу мягко, глухо падает отчёт.
– Я поручил проверить исходные и выводы, Олег. Так что не напрягайся.
– Хорошо.
Коньяк падает в горло.
Лимон.
– Обсудим?
«Маши крыльями или сдохнешь. Маши крыльями или сдохнешь.» Тэ-эм.
Плеск коньяка, доливаемого в стопку.
– Последствия? Обсуждать, в общем, нечего. Я принял решение.
– Вот как, – в горле сухо. – И какое?
– Дата должна быть на две недели назад.
Стук выпавшей из руки стопки.
– Что?!
– Пожалуй, тебе хватит, Олег.
Стук пульса в виске.
– Не понял.
Лёгкий вздох. Пожатие плечами.
– Всё ты понял. С завтрашнего дня ты больше здесь не работаешь.

Прерывистый всхлип.

– Почему?

– Только не впадай в истерику.

Кивок. Взгляд нашаривает на полу опрокинутую стопку, чуть дрожащие пальцы сжимают её, ставят на столешницу с лёгким стуком.

– Допустим. Но не сплеча ли?

– Нет, Олег, не сплеча. Видишь ли, это не первый прецедент.

Глоток сухим горлом.

– Раньше ты об этом не говорил.

Кивок.

– Не говорил. Ты же знаешь, что я не люблю людей, считающих меня идиотом. И не иду им навстречу.

Холодный пот на висках.

– Кто на меня стучал?

Равнодушный взгляд увеличенных линзами серых глаз.

– Какая разница? Потом сам узнаешь.

Короткий вздох носом.

– Верно, узнаю. Поставишь вместо меня эту рыжую стерву?

Мерное покачивание очков из стороны в сторону.

– А ты поглупел, Олег. Надо было уволить тебя раньше.

– Будь добр, сократи нотацию. Мне больше интересен ответ.

Срыв. Резко, слишком резко.

Слова словно чужие.

– Как скажешь.

Плохо. Теперь терять уже нечего.

Свет плафонов отражается в стёклах очков.

– Я навёл справки. Слишком честна. Чересчур стервозна.

– Тебе не угодишь, я погляжу. Можно ещё коньяка?

– Пожалуйста. Ничего, если из моей стопки?

– Нормально.

– Прошу.

Глоток.

– Лимон?

Кивок.

Кислота на языке.

– Ты слишком зарвался, создал проблему. Она слишком зарвалась, обнажая проблему. Пусть она и не первая, но что с того? Вы оба неуправляемы.

– Она – да.

Плеск.

– А ты не сдаёшься, Олег. Это хорошо. Я отмечу это в рекомендации.

– Шикарная шутка, Виктор.

Маши крыльями...

Усмешка.

– Я рад, что тебе понравилось. Ну что же, Олег...

Скрип кресла.

– Прощай.

...или сдохнешь.

Рука, протянутая для пожатия.

Соблюсти лицо.

Пожатие.

– Прощай, Виктор. Успехов.

– И тебе.

Неровные шаги.

Стук двери.

Кошачий взгляд. Холодная усмешка. Когти впиваются в жертву.

– Всего доброго, милая.

– Всего доброго.

Как колотит... Как... колотит...

...things you don't remember
things you can't forget...

Бутылка катается по сиденью, остатки текилы бьются в стенки.

Телефон на сиденье рядом.

Жёлтый квадрат смс.

«У тебя проблемы?»

Пошла прочь, сука.

Пшла прочь!!!

Стекло телефона гремит о приборную панель.

Машину заносит.

Рита, так её звали.

Чёрные волосы, землистое лицо...

Влево!!

...монументальная жопа, вымя третьего размера...

Ровнее!! Заткнись, паскуда!!

Удаляющийся сигнал.

...и наивная, детская вера в глазах.

Водка, шелест соломы.

– Ты вернёшься, Олежка? Вернёшься?

Глоток водки.

– Вернусь, конечно вернусь. Куда ж я без тебя...

– Станешь художником, найдёшь себе другую, городскую, и не вернёшься. Забудешь.

– Да вернусь, что ты, прямо слово. Вернусь! Иди ко мне!

Вера. Вера и животная похоть в глазах...

Вправо!!!

Вправо!!!

Держать, держать!

Держать...

...the world you belong to
the world you escape from...

Снег на лице.

Красные пятна.

– Твою мать...

...so lonely deep inside...

– Что за дерьмо...

Телефон.

Расколотый экран.

– Твою-ю же бл*ть мать!!! Ой!! Мать!!! Мама!!!!

Боль в ноге.

Пальцы ощупывают голень.

– Бл*-дь!!

Как больно, мамочка, как больно...

Больно...

Слепые пальцы лихорадочно ищут бутылку.

Мама!!!

Истеричный скрип.

Мама!..

Остатки текилы падают в горло.

...so lonely deep inside...

...Бл*дь, что за идиотизм ехать за этим в этот вонючий, несчастный, покинутый посёлок.
Поближе шлюх найти не мог...

Мама, как же больно...

...disinformation invades your mind...

...you keep moving in the maze to the base, it's a dull race...

Золотые слова, гонка тоскливая.

Идиотская.

Так, пора отсюда выбираться.

Понесло же меня в этот несчастный свёрток, где Макар телят не сношал...

Свёрток... Поворот, дурень.

Можно вывести девушку из деревни, но нельзя вывести деревню из девушки.

Из недоученного пейзажиста, видимо, тоже...

Так!

К чёрту!

К дьяволу.

Надо выбираться.

Выбираться из машины.

А то так и окоченею тут.

Давай.

Сейчас будет больно.

Бл*-а-а-*дь!!!

Мама, мамочка...

Слёзы падают на ручку двери.

Застывают льдом.

...crawling
before the open door...

Выбрался. Забрать эту долбаную поющую железку. Вдруг позвонит кто. Кто-нибудь.
Что ж её заклинило на одной песне...

Теперь назад.

Назад, по следам, по колее.

К перекрёстку.

Темнеет.

Надо шевелиться.

Мама...

Ползком.

– ...So what your life depends on... – шепчет из кармана.

На правом боку, локтем, коленом.

Локтем, коленом, локтем, коленом...

Локтем...

...job with no respect...

В какой раз уже? Пусть. Пусть...

Коленом...

Локтем...

Неважно, какими будут остальные, но я должен быть первым.

Коленом...

Поняла, рыжая сука? Понял, ты, очкастый хряк?!

Локтем...

Перекрёсток пуст.

Ночь.

Ну же, хоть кто-нибудь!

Ноеет нога.

Молчат пальцы.

Шипит мобильник.

Всё тише и тише.

Огни...

Огни.

Огни!!

Проснись, дебил, проснись!

Подымайся!

Ма-ама...

Бл*дь...

Прносятся мимо.

Суки, суки, суки!!!

Больно...

Руки в подмышки.

Руки нужны.

Никого.

Ни одного огня больше.

Дрожь раскалывает зубы.

Сухой, картонный кашель.
И звёзды над головой.
Надо двигаться.
Иначе...
Вперёд.

Звёзды померкли.
Метель.
По белому полотну неровный след замерзающего, обмороженного червя.
Снег.
И слабый огонёк впереди.
В поле.
Среди снега.
Вперёд.
Шепчет мобильник.
Аккумулятор дохнет.
Обморожение.
Вперёд.
С дороги.

Ворохом пустоты ключья.
...до тридцати двух ниже нуля...
...Катенька, вы так красивы...
...срок закрытия контракта...
...и что – муж? Вы современная, свободная женщина...
...Кьянти (Италия) – 1200 руб., паста болоньезе...
...результаты проверки поставщика...
...молитвы твои смердят...
Слова и цифры пляшут и сухо трещат на ветру.
Ветер из онемевших ноздрей бьётся с потоком пурги.
Бумажные ломкие лёгкие шуршат, как пакеты из «Ашана».
Кашель режет плотку. Тени бьются в небе. Скрипит снег.
...срыв поставки, мы требуем выплаты неустойки. Наш юридический отдел направит вам официальную претензию завтра утром...
...слышь, дядя, ты лексусом своим тёлкам будешь семафорить, понял?...
...дело рассматривается в суде завтра, если адвокат не пойдёт на уступки, мы используем...
Галстук вьётся по ветру. Холод впивается в грудь, там, где он должен быть. Лоскутная мразь.
Пальцы не чувствую.
...траты – пожертвование в церкви на Якиманке – 200 р...
...слушай, ты, давай заканчивай. Не такие все давно закончились. На трамвае уехали.
Кто остался – такие все. Хватит ломаться...
...ужесточение рабочего расписания...
...пощёчина...
...сокращение затрат за четвёртый квартал...
...движение пальцев по щеке...
...показатели работы департаментов...
...удар, вспышка, поворот...

...сетка трещин вместо стекла...
Звезда становится ближе.
...звук текущей жидкости...
...crawling
before the open door
tomorrow always comes too slow...
...белые сколы на стволе дерева, развороченная решетка радиатора, падающие на снег
капли...

...so what your life depends on
you inspect...

...твою мать!...

...love with no compassion...

...нервные вздохи, всхлипы...

...job with no respect...

...вы не справляетесь со своими обязанностями, поэтому нам придётся с вами расстаться.
Все меня поняли?...

...дверь не закрывается...

...the world you belong to
the world you escape from...

Вой ветра.

...пальцы отстукивают по рулевому колесу...

Снег проваливается под рукой.

...рука черна, мороз впивается в пальцы...

...заснеженная канава. Треснувший лёд. Паника. Вперёд...

...so lonely deep inside
disinformation invades your mind
you keep moving in the maze to the base, it's a dull race...

...траты – пожертвование на Boomstarter. Альбом Satin, 500р...

...нам требуется этот контракт, так что делайте что хотите...

...networks
channels and mobiles...

...алло, николай борисович? это...

...create illusion
that no one ever dies...

...Господи, как это всё достало...

...Привет, это я. Как дела? Я тоже. Слушай...

...you wanna rest your head now...

...не спать!...

...but still regret
things you don't remember...

...сторожка... Фонарь... Кому ещё нужен посреди поля фонарь?...
Звезда придвигается.

...things you can't forget...

...дурная была идея...
...оставаться в незакрывающейся машине...
Рука подгибается. Сухой скрип порога.

...the world you belong to
the world you escape from...

Негнущиеся пальцы в скобу.
Скрип.
Чернота за дверью.
Нога подворачивается. Тьма в лицо.

...so lonely deep inside...

Доски пола. Ветер в щели.
...надо было оставаться в машине...

...disinformation invades your mind...

...кто-то должен был проехать...
...дорога была вся в снегу, ни единой колеи...

...you keep moving in the maze to the base, it's a dull race...

...закрыть дверь...
...пальцы в подмышки...
...захлопнулась...
...свет фонаря в прорехи...

Ключья мёрзлого рубероида сухо хлопают по деревянным рёбрам. Кашель разрывает горло.

...падение трудовой дисциплины...
...обжигающая боль...
...ноги не отогреть...
...Господи, спаси меня, грешного...

Вой ветра.

...никогда не верил...
...дверь хлопает на ветру...
...была идея – ехать за этим в эти еб*ня...
...«а квартира у них – в О-трад-ном»...
Мысли в ключья.
Слёзы по лицу.

...so lonely deep inside...

- Фух. Опять эта напасть бумажная. Петька, ну чо опять я?
– А что я, рыжий, что ли? Прошлый раз я писал, теперь твоя очередь. Давай, не шуми.
Ручка с трудом преодолевает бумажную пустоту.
«...автомобиль марки „лексус“, госномер ...повреждения двигателя, решётки радиатора... ..шланги тормозной системы... водительское место... следы крови...»
«...тело лежит ногами к двери. Руки... в подмышках... одежда – костюм-тройка (шелковый), кожаные туфли... ориентировочное время смерти – 1—3 ночи... мобильный телефон марки „самсунг“...»
– Эй, что там с телефоном? Дай глянуть.
– На.
– Эка, расколот. Слушай, а чего он мигает? Вот, смотри?
– А-а, это он зарядку просит. Заряд почти сдох, только на огонёк и хватает. Да и то, видишь, едва телепается. Скоро и эти крохи выйдут.
– А чего он на морозе-то вконец не разрядился?
– Видать о жмура грелся. В нагрудном кармане был.
– Ясно. Так, вот что. Харе лося гнобить. Эй, понятой, иди сюда. Вот этот лист подпиши. И этот. И эти тоже.
– Они ж пустые.
– Сам протокол будешь писать? А то смотри, щас проедем до нас.
– Ой, да отгребитесь вы от меня. Вот тебе.
– Ты за языком-то следи, старый.
– А ну тебя. Этого забирать-то будете?
– Труповозка приедет, заберут. А мы поехали.
– А когда она приедет-то? Мне тут на морозе рядом с трупом плясать?
– Посидишь в своей «ниве». Ни хрена с тобой не делается. Тулуп да валенки, чай, не костюмчик. Давай, старый. Ты ж всё равно на работе? Бывай.
Стук дверей. Чихание двигателя.
– Сволочи.
Старик-сторож провожает взглядом «уазик».
Плюёт в снег.
Забирается в «ниву» – ждать труповозку.
– Козёл долбаный, – ворчит сторож. – Торчи тут из-за тебя. Уж дома был бы. Кому тут что надо... Столи-ичнай... Х*р двуличнай.
Приоткрывает дверцу, сплёвывает в снег.
Захлопывает.
Включает печку.
– Ты нахрена с деда столько листов-то стряс? Оперу писать будешь? На одном не уложишься?
– О-о-оперу.

Звучит на редкость глумливо и немного кокетливо.

– Гляжу я на тебя, Петька, и одного в толк понять могу – вроде у-у-умный ты, а вроде и дурень.

– Ты за базаром-то следи.

– За ба-а-азаром. Лопух и есть лопух. У тебя сколько дел пылится бесхозных? Полон стол.

– И?

– И. Вот представь – берешь ты того самого вонючего бомжару, которого пэпээсники в теплотрассе удушенным нашли, берешь такую вот подписанную бумажку... Дальше?

– ...И пишу – самоубился путем удушения, а до того вел суицидальные разговоры, в подтверждение чего показания свидетеля, с моих слов записано верно. Слушай, ты голова!

– То-то же. А теперь – внимание, вопрос.

– Знатоки слушают.

– У меня – пять листов. Если я сам писать буду, то потрачу три. Если не сам – можно в один уложиться. Вывод?

– Да хрен с тобой, напишу я тебе этого жмурика, напишу. В лучшем виде.

– Пра-авильный ответ! О, глянь, Петька – потух телефон-то.

– Ну, батарейка села до талого.

– Ну и хрен с ней. В общем, с тебя литр с премии.

– Если дадут.

– А кто у нас будет первым по раскрываемости в этом месяце? То-то же. А то и смотри – декабрь. Конец года. А у кого-то – целых пять палочек. Све-е-еженьких. Ого?

– Ого. Договорились.

Кюрасо-блюз

*По мотивам стихотворения «Curaçao blue»
Артура Иванова (Барамунды)*

– Что вы надеетесь найти на этом речном острове? Абсолютно непримечательное место. Сухое, каменистое, унылое. Ну да, немного пляжей, пара живописных заводей, знатные омуты, но мало ли этого добра вокруг? Мой вам совет – не задерживайтесь там больше чем на две недели. Тоска одолеет. Увидите. И если что, помните – у нас рейсы туда каждые две недели. Как увидите голубую тоску на горизонте – пакуйте саквоаж. Мы будем рады.

– Вы слишком привержены цвету, мой капитан.

– А почему бы и нет? Наш фирменный цвет. Ваше здоровье, мой генерал! Prozit!

– Ваше здоровье, капитан.

– Занятные у вас шрамы, мой генерал.

– Вы бестактны, капитан.

– И что с того? Расскажите, как вы их получили. Уверен, это история, достойная героя!

– Уже пятый день я слушаю вас, мой капитан, и до сих пор не могу определиться – выпить всё же с вами на брудершафт или вызвать на дуэль? Вы что посоветуете?

– Сначала дуэль, потом на брудершафт. Как вам такой вариант?

– Вы неподражаемы, мой капитан.

– Если человек жив, то он никому не подражает и никто не может подражать ему. Если что-то из этого всё же происходит, значит, никчёмный совсем человек.

– Вы восхитительно категоричны. Что же, отложим дуэль по обратного рейса. А пока давайте выпьем.

– Отлично! Бой! Где ты, спящее недоразумение безмозглого племени безногих? Ещё коктейль мне и генералу! Ваше здоровье, генерал!

– Ваше здоровье, капитан.

– Так что же шрамы, мой генерал?

– Не напирайте, капитан. Позже. Сейчас я не в настроении.

– Как скажете. Ещё стаканчик?

– Пожалуй.

– Вы очень странный, мой дорогой.

– Спасибо, вы очень милы.

– Эта манера выходить к завтраку с перепачканными чернилами пальцами, сидеть всё утро и смотреть на рассвет, не следить за собой. Встреть я вас посреди Парижа, вы были бы очень там к месту, но здесь, посреди Южной Америки, встретить классического представителя парижской богемы – это неожиданно.

– Ну уж и классического. Так, бледное подобие.

– Вы строптивы.

– А вы обворожительны.

– И раздражающе прямолинейны.

– Когда я теряюсь, то становлюсь грубоватым. Как долговязый ученик иезуитской школы при виде королевы аристократического пансиона. Я думаю, вы видали таких.

– Нет, мой милый.

– Значит, бедняги просто не имели сил взглянуть на вас прямо. Прятались за углом, должно быть.

- Просто я не была королевой пансиона. У моей матери не было денег, чтобы обеспечить мне такое образование.
- Что ж, значит, эти деньги не были потрачены зря.
- Вы готовите оскорбление или комплимент?
- Констатацию.
- И чего же?
- Вы королева по всем признакам. Если это не результат светского обучения, значит, оно было бы бессмысленно. Идеальный камень не нуждается в гранильщиках.
- Вы вульгарны.
- Тогда давайте я помолчу и просто буду смотреть на вас.
- О Господи! Тогда почитайте что-нибудь из того, на что вы тратите ночами чернила.
- Я буду заикаться. Робость, знаете ли.
- Вы заводите разговор в тупик.
- Совсем нет. Давайте просто поговорим о чём-нибудь другом, если нельзя о вас.
- И о чём же?
- Хотя бы о закате. Вы видели картину Ван-Гога?
- Какую из?
- С закатом.
- Их несколько. Какую вы имеете в виду?
- «Закат солнца в Монмажуре».
- Она же считается подделкой?
- Я в это не верю.
- Вы эксперт?
- Я человек, который в данном случае не верит экспертам. Я убеждён, что это одно из лучших его творений.
- А это не гордыня ли в вас? Типичная черта парижской богемы.
- Возможно. Ещё одна черта парижской богемы – отсутствие желания следовать за другими там, где нужно идти самому.
- И ломать шею там, где не прошли великие?
- Да. Либо самому стать великим со временем.
- И самонадеянность.
- Безусловно.
- А как же скромность?
- Тогда не стоит жить в среде богемы. Тогда надо идти в монастырь.
- А вам не хочется?
- Мы снова вступаем на предательскую почву.
- Бойтесь?
- Боюсь.
- И признаётесь в этом?
- Я трусоват.
- Тогда что же вы делаете здесь, посреди реки, полной крокодилов?
- Я еду на остров, который является конечной точкой нашего рейса.
- Зачем? Будете там писать?
- Я буду там жить.
- Интересный выбор. Не слишком ли вы увлеклись эскападами?
- Всё гораздо проще. У меня в кармане осталось всего несколько монет, как раз чтобы доехать и купить какую-нибудь лачугу. Я нищий.
- Нищий, который едет в самое сердце Южной Америки, чтобы купить там лачугу и жить? Вы серьёзно?

- А чем это место хуже любого другого?
- Что же, наш разговор всё же зашёл в тупик.
- Бог с ним, с разговором. Мы можем просто помолчать, глядя на закат, пока он не закончился.
- Я буду смотреть на закат, а вы будете жульничать?
- Безусловно.

- Бой, зажигай фонари! В этой тьме египетской не разглядишь, что пьёшь. Пошевеливайся!
- Иногда во тьме можно увидеть больше, чем под светом фонарей, капитан.
- Что же, например?
- Как светится кончик сигареты беспечного часового, например. Очень удобно целиться.
- Слава Богу, что я курю трубку.
- Да, это безусловный плюс. Главное, выбирать трубку с глубокой чашкой и не находиться под склоном. Со склона снайпер может увидеть и трубку.
- И что же делать?
- Курить под крышей. Правда, это опасно тем, что при начале атаки строения обычно атакуют минометчики или авиация.
- Чертовски увлекательно, мой генерал! И что же делать?
- Пить, капитан. И не переживать о возможном.
- Великолепные слова, генерал!
- Ваше здоровье, капитан.

- Как жаль, что закат так быстро погас.
- Бесконечно жаль. Подождите немного, и на небе появятся звёзды.
- Мадам, месье, позвольте, я зажгу лампу.
- Зажигайте, месье. Мой собеседник будет рад.
- Безусловно. Вот, возьмите.
- Благодарю вас, месье!
- Вы расточительны.
- Скоро я умру для цивилизации. Зачем мертвецу деньги?
- Как претенциозно.
- Хороший повод для продолжения нашей пикировки.
- Вы готовы выкинуть белый флаг?
- Он был выкинут ещё перед началом нашей беседы. Неужели вы не видите, как он свисает с моего плеча?
- Вы могли бы лучше следить за вашим шейным платком.
- Вы правы. Я был небрежен.
- Что вы делаете? Зачем вы бросили его за борт?
- Я передумал сдаваться. Расскажите мне что-нибудь о себе.
- Вы правда едете туда, чтобы жить? И не собираетесь возвращаться?
- Правда. Не собираюсь.
- Почему?
- Не хочу. Некуда.
- Так не хотите или некуда?
- Некуда, потому что нет места, в которое я хотел бы вернуться.
- Почему?
- Небо, а не душу меняют бегущие за море.
- Латынь?

- Да.
- А как звучит в оригинале?
- Caelum, non animum mutant, cui trans mare currunt.
- Послушайте, но это же нелепо.
- Латынь?
- Бегство.
- А я не бегу.
- А что же?
- Я просто перемещаюсь в пространстве. И немного во времени.
- В один конец?
- А чем плохо? Все дороги идут в один конец.
- Снова цитата?
- Нет. Просто факт.
- Послушайте, милый мальчик, это глупость.
- Ещё раз назовёте меня мальчиком, и мы закончим нашу беседу.
- А кто же вы?
- Сейчас я ваш собеседник, и не более того.
- Обидчивый собеседник.
- Оставьте мне эту малость.
- А сколько вам лет?
- Мне? Двадцать семь.
- Сколько?! Вы не лжёте?
- Я очень, гхм, моложаво выгляжу, я знаю. Мне говорили.
- Удивительно.
- Не очень. Иногда просят показать паспорт.
- Простите меня, мой друг.
- Ничего. Не стоит извинений.
- Я обидела вас. Мне самой...
- Я знаю, сколько вам лет. Не стоит делиться этим секретом с остальными.
- Откуда?
- Я заплатил стюарду, чтобы он посмотрел в книге регистрации пассажиров.
- Интересно.
- Что именно?
- Я всё никак не могу понять, как же мне хочется отреагировать – возмутиться, закричать, обвинить вас в преследовании, или, наоборот, восхититься настойчивостью.
- Подумайте и известите меня о вашем решении.
- Хорошо. Тогда, чтобы загладить обиду, я предлагаю выпить. Я угощаю.
- Никаких «я угощаю». Угощать покойников не самое лучшее времяпрепровождение.
- А быть угощаемой покойниками?
- Это нормально.
- Каким образом?
- Вы пили когда-нибудь старый алкоголь, выдержкой в несколько десятилетий? Столетний? Те, кто заложил виноград в точило, те, кто следил за вином, приветствуют вас.
- Вы пугаете меня аллюзиями.
- Цезарь же не пугался.
- И был убит.
- Мы все будем убиты в свой срок вечным убийцей.
- Вы не боитесь смерти?
- Я боюсь жизни. Смерть – её прекращение. Что будет там – кто знает?

- Вы еретик?
- Я верю в Бога.
- И отрицаете Рай?
- Я не знаю, что меня ждёт. У меня нет индульгенции.
- Тогда послушайте, я предлагаю вам вот что...
- Я заинтригован. У вас есть индульгенция, от которой можно оторвать краешек?
- Не перебивайте, это, в конце концов, невежливо! Так вот, я предлагаю вам вернуться в мир, бросить эту вашу тоску и поехать в Англию.
- И что же там? Там будет весело?
- Там живу я. Мой муж...
- Прекратите. Прекратите немедленно.
- Почему?
- Меня воротит сама мысль о цивилизации.
- Да вы хоть секунду жили вне её? Вы понимаете, куда вы едете? Вы умеете жить вне города? Вы подохнете там от голода и холода, от болезней и дикого зверья! Оставьте это ваше безумие, и...
- Безумны вы.
- Что?!
- Вы безумны. Вы сумасшедшая.
- Объяснитесь!
- Я не буду объясняться. Вы безумны. И закончим на этом. Мы с вами так и не выпили. Давайте сменим тему. Эй, гарсон!
- Да, месье?
- Два кюрасао, будьте любезны.
- Сию минуту, месье.
- Я не буду с вами пить.
- Хотите, я извинюсь?
- Нет.
- Тогда прошу вас, не покидайте меня. Завтра мы прибудем на место, я сойду, а вы отправитесь обратно.
- Откуда вы знаете?... А, понятно. Стюард?
- Конечно.
- Ваши напитки, мадам и месье.
- Благодарю вас. Вот, прошу.
- Спасибо, месье!
- Да что же вы делаете!
- Трачу уже ненужное мне.
- Вы безумец.
- Конечно. Выпейте со мной.

- Эй, бой! Да где тебя носит, колченогое отродье безногой черепахи! Принеси виски!
- Вы переходите к тяжёлой артиллерии, капитан?
- Мне нравится ваше сравнение, генерал.
- Это средней тяжести, капитан.
- А что же тяжелее?
- Хорошая, добротная авиабомба. Очень аккуратное оружие, если попадает в цель. Немного сажи и никакого сопротивления.
- Вы сбрасывали такие?
- Нет. Я находился в составе уворачивающихся.

- Вы были очень вёртким?
- Очень. Как видите, я до сих пор жив.
- Это совершенно неоспоримый аргумент, генерал! Выпьем!
- Ваше здоровье.

– Скажи мне, что с тобой случилось?
– Да ничего особенного. Детство в рабочих предместьях, потом отрочество на ферме, потом глупое бегство в Париж, там попытка богемной жизни и разгрузка вагонов. Теперь река и ты.

- Господи, какой же ты глупый.
- Не жалуйся.
- Я не жалею. Завтра пароход пристанет к этому твоему острову и ты сойдёшь на берег.

А я поеду обратно.

- Да.
- И там будут опять эти приёмы, этот вечный снобизм, эти надутые морды с врождённым геморроем, эти сухие твари, которых там принято заводить в юности и называть жёнами. А потом и я стану такой тварью. И тогда я пойму, что ты был прав, а я безумна.

- Не поймёшь.
- Почему?

– Так что же случилось с вашей рукой, генерал?
– Вы никогда не понимаетесь, капитан?
– Никогда, мой генерал. Иначе зачем начинать?
– Вы правы. Ну что ж, история эта была вполне себе заурядной. Мы сидели в каменном подвале и пили. В нас уронили хорошую, добротную авиабомбу. Она пробила каменный свод, взорвалась и осколки накрыли нас. А потом загорелся бензин в канистрах, которые мы там держали. Сначала руку мне покромсало осколками, потом поджарило. Всё заурядно и просто.

- Как же вы выжили?
- Несложно. После авиаудара за нами пришли солдаты противника. Им хватило ума вытащить меня из огня.
- Вы попали в плен?
- Нет, такой роскоши в тот раз не полагалось, не тот был случай. Я убил своего спасителя и убрался подальше.

- И всё равно, генерал, вы не из слабых. Я восхищаюсь вами. Выпьем!
- Выпьем, капитан. Но это будет последняя. На сегодня хватит.
- Как скажете, мой генерал. Как скажете.
- Ваше здоровье, капитан.
- Ваше здоровье, мой генерал! За вас!
- Как скажете.

– Ну что же, приятного вам отдыха, мой генерал! Если что, помните, через две недели мы придём снова, и я буду благодарен судьбе за возможность снова выпить с таким выдающимся человеком!

- Спасибо, капитан. Вы переоцениваете мои достоинства.
- Достоинства такого человека невозможно переоценить!
- Всё возможно, мой капитан. Будьте здоровы!
- Будьте здоровы и вы, мой генерал!

Волны реки накатывают на каменистый берег.

Теплоход скрывается за поворотом.

Я сажусь на чемодан и вспоминаю старую, единственную стоящую мою мелодию.

*Зной реки...
Лунный блик спит в бокале,
Мы случайно
Вдруг нашли, что искали...*

Мои губы шепчут слова, написанные той ночью. Ты спала, и твои тёмные волосы укрывали истерзанную подушку.

*И над тихой водой,
Пусть не знаю кто ты,
Я сегодня с тобой
А в стакане цветы...*

Эту строфу лучше всего было бы произнести тебе. Но ты спишь.

*Наши волосы треплет
Тёплый ветер реки...*

*Вскоре втянутся цепи
Сквозь якорный клюз
И споют нам, споют:
Кюрасао блюз...*

Я лгу. Я лгал тебе сегодня. Нет, не тогда, когда говорил про детство в парижских предместьях, не про адову работу на ферме у троюродного родственника после ухода родителей, не про отвратительный и жалкий период завоевания «богеми».

Скоро ты узнаешь. А может, и не узнаешь, если я сделаю всё верно.

*Зной реки...
Лунный блик спит в бокале,
Утолим мы
Нашу боль и печали...*

Нашу ли? Этот старик говорил со мной, и лицо его было образцом аристократического стиля. Твёрдые черты, ровный тон. И сумасшедшая, безумная боль в зрачках.

*Там где койка в каюте,
А в зеркале – ты!
Ну позволь мне испить
От твоей наготы!*

*Наши губы целует
Тёплый ветер реки...*

Он не мог тебя целовать – ты не хотела. Он совершил ошибку, взяв тебя в жёны.

*Вскоре втянутся цепи
Сквозь якорный клюз
И споят нам, споят:
Кюрасао блюз...*

Я смотрю на тебя. Постель растерзана, покрывало смятым комком отброшено в сторону. Тонкая простыня накрывает тебя, и понимаю, что тебе жарко, несмотря на то, что открыт иллюминатор. Я смотрю, как дыхание ворошит концы твоих волос, сбившихся на подушке.

*Зной реки...
Лунный блик спит в бокале.
Утопаю,
Я в тебе утопаю...
Стон распластанных тел,
Жизнь свернулась в спираль:
Получи, что хотел —
Гран мерси, дженераль!*

Я закрываю глаза. Я понимаю, что эта картина будет стоять перед моим взглядом долго, очень долго. Возможно, столько, сколько я проживу.

*Наши пальцы ласкает
Тёплый ветер реки...*

*Вскоре выпадут цепи
Сквозь якорный клюз
И споят нам, споят:
Кюрасао блюз...*

Я отворачиваю крышку фляжки. Я не пил три месяца, но сейчас я не смогу без алкоголя. Резкий вкус дешёвого коньяка обжигает язык и горло. Я кривлюсь, морщусь, утираю выступившие слёзы.

*Зной реки...
Луч зари на бокале.
Потеряю
На далёком причале...*

*Бой прольёт неуклюже
Наш утренний чай...
Ну, послушай, послушай:*

Не по-ки-дай!

Я малодушно оттягиваю неизбежное. Неизбежное ли?

Да. Я и правда труслив, а старик предупредил совершенно чётко – я должен умереть. Вот только как – выбирать мне.

Наши души терзает

Тёплый ветер реки...

*Вскоре втянутся цепи
Сквозь якорный клюз
И споят мне, споят:*

Кюрасао блюз...

Я поднимаюсь со стула. Коленом становлюсь на постель.
Мои руки протягиваются и смыкаются на твоей шее.
Сжимаются изо всех сил.

Только мне!

*Кюрасао блюз,
Кюрасао блюз...*

Ты бьёшься, вырываешься, вонзаешь ногти в мои руки. Тебе удаётся оторвать одну кисть и вцепиться зубами в пальцы. Ты бьёшься, словно зверь, и я вижу твои бешеные расширенные зрачки, слышу твоё хрипение.

Когда всё замирает, в каюту проскальзывает стюард, ждавший под дверью.

Вдвоём мы оборачиваем твоё тело в простыню и вытаскиваем по коридору. Я вижу, как кровь из разодранных твоими зубами пальцев оставляет на ткани расплывающиеся пятна.

– Стой!

Стюард снимает простыню.

– Ещё по реке поплывёт, зачем нам лишние вопросы, – поясняет он – я потом сожгу в кочегарке. Взяли!

С тихим плеском твоё тело принимает река. Белое пятно посреди мерцающей темноты.

А потом в глубине возникает короткий плеск.

– Кайманы, – поясняет стюард. – Ну всё, по местам. Давай двигай. Кровью не наследу.

Я сижу на чемодане, курю и смотрю с причала на реку, в которой медленно и неторопливо двигаются чёрные тела тварей.

Закат догорает.

Луч света вырывается из-за моей спины, и в реке вспыхивают пары ярких точек – глаза кайманов, отражающие свет фонаря.

– Как вы себя чувствуете, господин? Вы здоровы? Могу я вам чем-то помочь?

– Вполне, – отвечаю я подошедшему из сумрака человеку. – Вполне. Я просто сижу и вспоминаю. Я был тут двадцать пять лет назад. Приду попозже, если вы не возражаете.

– Гостиница тут недалеко, сто метров вверх по холму. Мне вас подождать?

– Не стоит, друг мой. Не стоит. Я подойду через полчаса. Мне нужно ещё посидеть тут и вспомнить кое-что важное. Вы идите себе, если хотите, вот вам мои документы, можете меня записать.

Я протягиваю паспорт.

– Хорошо, сэр. Сделаю всё в лучшем виде.

– Нисколько не сомневаюсь в этом, друг мой. Я скоро, не переживайте.

– Тогда возьмите фонарь.

– Да мне особенно незачем.

– Зачем же идти наверх в темноте? Возьмите, сэр.

– А как же вы?

– У меня есть ещё – вот, смотрите.

– Вы очень предусмотрительны.

– Благодарю вас, сэр. Буду ожидать вас в вестибюле. Приятных воспоминаний.

– Благодарю.

Я выбрасываю окурок в воду. Прикуриваю ещё одну.

Осталось немного. Иностраный легион. Двадцать пять лет игры со смертью. Глупой, бессмысленной игры. Настолько глупой, что мне не удалось в ней проиграть.

Отвратительно.

Бессмысленно.

Двадцать пять лет, выброшенных на совершенно, безумно бессмысленное времяпрепровождение.

Я не солгал тебе тогда, когда говорил, что я умер.

Я и правда умер, хотя полагал, что лгу, говоря тебе это.

Просто надолго затянул с погребением.

Впрочем, это можно исправить.

Сейчас я докурю.

Самое время поплавать немного.

Бездна

Он был странный. На вид невозможно было сказать, сколько ему лет. Сейчас казалось, что он почти мальчик, через пять минут – что он стар, а лампы и опьянение шутят со мною шутки.

Мы были соседями за барной стойкой, и я сказал какую-то глупость, показывая оттопыренным пальцем в экран телевизора, висящего над стойкой. Меня колотил нервный озноб, руки и мысли дёргались, слова неслись рекой.

Он ответил что-то вежливое и не обязывающее ни его, ни меня продолжать, но я не унялся, говорил что-то раз за разом, и теперь – не сразу – понимаю, что мне просто хотелось услышать его голос, обычный, не слишком красивый, не слишком четкий, немножко картавящий.

В его ответах царило спокойствие, и не то вымученное порождение обучения вежливости, что любого бесящего тебя заставляет называть на «Вы», а глубокий, неизъяснимый душевный покой. Это было спокойствие, которое ничего не просило и никуда не спешило. Оно было бездонно и живо, даже, пафосно скажу вам, животворяще. Я забывал почти все произнесенные им слова сразу, наслаждаясь непривычным ощущением спокойствия, как жадный ребенок, что всё никак не может оторваться от банки с абрикосовым вареньем, так долго стоявшей на антресоли и подаренной ему на Новый Год. Впрочем, я и был таким ребенком, сыном вечера и алкоголя.

Потом, сам не заметил как, мы пересели за столик, я пил, он говорил, и время было бесконечным. Оно струилось и струилось, не показывая конца, а бармен все протирали свои стаканы и смотрел в телевизор.

– Ад?

– Да, Преисподняя. Она очень долго стремилась меня захватить, выпить, поглотить, но не получилось.

– Отчего же?

– Она может только лишь пугать, но сама сделать ничего не в силах. Ничего вообще – ни сломать, ни захватить, ни построить. Она так беспомощна, что, когда я это понял, мне просто стало странно, что я так ее боялся.

– Но ее же стоит бояться?

– Бояться стоит другого. Она показалась мне первый раз лет в пятнадцать, проявилась в виде провалов.

– Провалов?

– Да, что-то вроде дыр. Вот ты смотришь в окно, и видишь, что напротив тебя – дыра, в которой бесится тусклый свет. Выходишь на улицу – в газоне неясное пятно, из которого тянет серой, едешь в автобусе, протягиваешь кондуктору денежку за проезд, а рука, которая протягивает тебе билет, лишена плоти. Моргаешь, переводишь взгляд куда-нибудь, возвращаешься к тому же месту, а там нет ничего – в окне ветки клена, на газоне спит дворовой пес, кондуктор держит твой билет и спрашивает, что с тобой.

– И что говорили другие?

– Если им ничего не говорить, они молчат, просто косятся на тебя порой, когда ты смотришь в провал. Я в пятнадцать лет уже понимал, что есть вещи, которые лучше никому не рассказывать, так что серьезных проколов не было. У нас в подъезде жил один сосед, шизофреник, вечно смешливый, болтливый, но в периоды обострения опасный. Его в конце концов увезли в лечебницу, после того, как он напал на соседку с хлебным ножом. Раньше он буянил просто так, на словах, и участковый спускал дело на тормозах, но в этот раз ему стало страшно. Он жил в соседнем подъезде, наш участковый, и его дочка гуляла в этом же дворе.

Ну так вот, я посмотрелся на этого бедолагу, и мне никак не хотелось поиметь той же славы, так что боролся сам. Да оно было и не совсем трудно, в общем-то – просто быстро уводить глаза от провала, моргнуть несколько раз, и все пропадало. Я даже начал соревноваться с дырами – раз, вправо, моргнуть, влево – нету.

– Здорово.

– Ну да. Правда, пришлось сказать матери, что у меня глаза не так хорошо видят, потому и приходится моргать. Меня сводили к окулисту, тот показал мне таблицу, я немного соврал, он выписал самые слабые очки. Мы их купили, но я не стал их носить, и это скоро забылось.

– И что же дальше?

– А дальше она вернулась. Вернулась во снах. Днём я смаргивал провалы уже автоматически, а во сне моргнуть нельзя. И она открылась мне вся. Я начал кричать ночами. Меня повели к психиатру, тот все расспрашивал так и этак, но я хорошо помнил, что случилось с больным соседом, и потому держался версии – мол, просыпаясь, не помню, что снилось. Но там было страшно.

– И что?

– Он прописал мне успокоительные. Не помогли. Он прописал следующие, потом ещё и ещё. Что-то помогало слабо, что-то вообще было без пользы. Из доступных лекарств нижнего и среднего ценового диапазона я перепробовал, наверное, все. На дорогие денег не было, и родители, которые и так потратили уже почти всё, что было в запасах, положили меня в клинику.

Он отхлебнул из стакана.

– Вот тут я и узнал, что такое настоящий Ад.

– В смысле?

– Психиатрические лечебницы – это не самые светлые места. Они очень плохо подходят на те места скорби, которые показывают в кино, особенно зарубежном. Большая их часть, по крайней мере. Никакой тебе особой лирической депрессии, никаких тебе терапевтических групп. Просто цепочка унылых комнат, в которой сидят самые разные, в подавляющем большинстве неадекватные люди, и занятые обычно тем, что портят друг другу жизнь. Там начинаешь склоняться к идее, что человек и правда произошёл от обезьяны, и, наверное, от самой злой, больной и жестокой. В лечебнице лежат все – алкоголики с делириум тременс, шизофреники типа моего несчастного бывшего соседа, просто агрессивные уголовники, которые переживают тут время, тихие, вроде меня, и даже совершенно здоровые поначалу.

– Поначалу?

– Поначалу. Пробыв там достаточно продолжительное время любой станет законным пациентом. Помню, у двери на койке лежал молодой парень, чуть полноватый, не очень образованный, и самое страшное – погасший. Он плакал ночами, и его всхлипы слышала вся палата. За это его били гопники, которые откашивали от армии. Он плакал потому, что родная мать и отчим засунули его в лечебницу, чтобы лишиться прав на квартиру. Им было нужно признание его недееспособным, чтобы получить права опекуна и продать его долю. Психически он был вполне здоров, а плакал оттого, что был болен телесно – у него отслаивалась сетчатка, и ему нужно было проходить лечение – кажется, ему даже жребий выпал на операцию от государства, и, попав в лечебницу, он этого шанса лишился. Зрение угасало, и угасал он.

– И что с ним случилось?

– Думаю, он так там и остался. Я вышел через три месяца, и он по-прежнему плакал ночами.

– Вы говорите так, словно вам его не жалко.

– Мне никого сейчас особенно не жалко. Но тогда да, я даже подумывал, не рассказать ли о нём какому-нибудь журналисту, но потом пришёл к выводу – это ничем не поможет. Ну поскандалят, но ведь всё так и останется. Он вернётся в лечебницу если не через месяц, так

через два. А может, его просто удавят во сне. Он был несовершеннолетний, при живой матери, кто бы чем ему помог, что доказал? А так они будут вечно пить на его инвалидную пенсию.

– И вы просто так приняли такое решение?

– Это не решение, это бегство от решения. Впрочем, со временем, гораздо позже, я понял, что большего я всё равно не сделал бы. Посмотрел лет этак пятнадцать назад на мальчишек того возраста, и понял, что такие решения не для них. Разве что они не мальчишки, а герои. Эти три месяца я жил в двух Преисподних разом – днём в палате, во сне – в Аду. Я орал ночами, меня били, ставили инъекции. Ничего не помогало, и в конце концов меня перевели в отделение для тяжёлых. Там, как ни странно, оказалось полегче.

– Почему?

– Там были все тяжело больные люди. Вот здесь было немного похоже на кино – постоянная затхлая, тупая безысходность. Но никто никого не бил особо, разве что иногда санитары, но достаточно редко. Неприятнее их были мы, больные. Если в общей палате сидели обезьяны, тот тут жили овощи. Помню, один из моих новых соседей онанировал почти все ночи напролёт, на него шикали, и, чтобы не скрипеть койкой, он ложился под неё. Но стало холодно, началась зима, а на отопление лишних денег не было, так что пришлось ему перебраться обратно в койку и скрипеть пружинами под одеялом. Мне было жалко соседей – скрипела койка, а тут я ещё появился, кричал ночью. Меня не брали лекарства, даже самые тяжёлые из доступных наркотиков. Впрочем, их было мало, и их очень скоро перестали на меня тратить. Я кричал ночами недели две, а потом наступил перелом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.